

НЕМЕЦКАЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯПОНИИ: ЭРВИН ФОН БЕЛЬЦ КАК АНТРОПОЛОГ И ЭТНОЛОГ

Н.С. Любимова

Наталья Сергеевна Любимова | <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280> | lyubimova@iea.ras.ru | младший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Эрвин Бельц, история науки, немецкая этнология, японистика, этногенез японцев

Аннотация

Статья посвящена наследию Эрвина фон Бельца в области этнологии Японии и его взгляду на саму эту науку. Историко-биографический экскурс демонстрирует, какие внешние факторы влияли на исследования ученого и их судьбу в научном мире и каким образом осуществлялось это влияние. Анализ наследия Бельца позволяет выделить его важнейшие наблюдения и оценить сделанные им выводы, а также определить его взгляды на теорию науки. Однако, несмотря на то что исследования Бельца (их тематика, применяемая им методология и теоретические подходы, которые он использовал) являлись частью современного ему научного мира, его научная работа проходила в относительной изоляции, поскольку географическая удаленность Японии от Европы делала невозможным полноценное участие в жизни научного европейского сообщества. Последствия этой изоляции видны в судьбе трудов Бельца: на его авторитет ссылались те ученые, которым импонировала теория европеоидности айнов, в то время как многие другие его идеи и наблюдения остались практически незамеченными и в результате оказались забыты.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328]

Эрвин фон Бельц (1849–1913) – один из самых знаменитых немцев, работавших в Японии в конце XIX в. Там он известен в первую очередь как основоположник современной медицины, а в Германии – как собиратель этнографических и художественных коллекций, антрополог и этнолог-японист. С одной стороны, научное творчество Бельца в области изучения Японии представляет собой характерное для немецкой этнологии XIX в. смешение интереса к физической антропологии (расоведению) с вниманием к социальным и куль-

Статья поступила 04.09.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 20.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Любимова Н.С. Немецкая этнологическая традиция в изучении Японии: Эрвин фон Бельц как антрополог и этнолог // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078> EDN: HXUCTI

Liubimova, N.S. 2022. Nemetskaia etnologicheskaia traditsiia v izuchenii Yaponii: Ervin fon Bel'ts kak antropolog i etnolog [German Ethnological Tradition in Studies of Japan: Erwin von Baelz as Anthropologist and Ethnologist]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078> EDN: HXUCTI

турным вопросам. С другой стороны, объект изучения – народ Японии – был нетипичен для этнологов, а большинство европейских исследователей Японии опирались не на этнологические традиции, а на традиции ориенталистики, которая представляла собой филолого-историческую дисциплину. Кроме того, на творчество Бельца и на судьбу его трудов не могло не повлиять то обстоятельство, что его деятельность проходила в удалении от основных европейских научных центров. Таким образом, с точки зрения историка науки, наследие Бельца является интересным примером развития идей и подходов немецкой этнологии второй половины XIX в. в нестандартном для исследователей, принадлежавших к этой традиции, контексте.

Учитывая сложную судьбу этнологического наследия Бельца, представляется необходимым обратиться к подходу к историографической работе, выработанному Джорджем Стокингом-мл., без ссылок на которого сегодня сложно обойтись историку антропологии. Этот подход требует обязательного применения принципа историзма, т.е. внимания к историческому и академическому контексту, в котором работал ученый прошлого, и обращения к тем вопросам, на которые искал и давал ответы сам этот ученый, а не тем, которые волнуют нас сегодня (*Stocking 1987: 285*); в целом смысл этого подхода заключается в том, чтобы постараться понять прошлое ради самого прошлого (*Stocking 1965: 211*). Таким образом, историко-биографический экскурс демонстрирует, какие внешние факторы влияли на исследования Бельца и как происходило это влияние, а анализ его антропологических и этнографических работ дает возможность выделить важнейшие наблюдения и выводы, а также осветить его взгляды на теорию науки, которые, с одной стороны, самобытны, но с другой – плотно вписаны в современный им академический контекст.

В свою очередь, применение “презентистской” (определение Стокинга [*Stocking 1965, 1987*]) логики помогает проследить, как проходила рецепция идей Бельца в Европе. Его научное наследие в области этнологии было недооценено современниками, а в последующие годы начало предаваться забвению. Кроме того, его труды не всегда удаивались даже упоминания в работах японоведов, а физические антропологи зачастую ограничивались ссылкой на его теорию о европеоидности айнов, хотя ряд его наблюдений нашел подтверждения в позднейших исследованиях. Тем не менее творчество Бельца и сегодня может представлять интерес для этнолога и япониста.

Жизненный путь и условия работы Бельца¹. Бельц рано решил связать свою жизнь с медициной и наукой. Получив медицинское образование в Лейпцигском университете и защитив в 1872 г. диссертацию, Бельц остался в университете и скоро стал первым ассистентом и предполагаемым преемником К. Вундерлиха, терапевта и психиатра, продвигавшего новое в то время направление “внутренней медицины” (терапии). В 1875 г. Бельц познакомился с одним из пациентов университетской клиники, Сагара Гэнтэй, который оказался не просто первым японским студентом в Лейпциге: он был братом японского государственного деятеля Сагара Тиан, благодаря которому реформа 1869 г., официально вводившая в Японии западную медицину, была проведена по образцу немецкой школы медицины. Видимо, именно беседы с молодым японцем породили у Бельца интерес к далекой и экзотической стране, а его связи поспособствовали тому, что в том же году Бельц получил приглашение от японского посла в Берлине Аоки Сюдзо занять должность в Токийской медицинской школе (*Germann 2014: 129–131*), с которой в 1876 г. Бельц подписал контракт сроком на два года на преподавание психологии и внутренней медицины. Медицинский факультет с одобрением отнесся к планам Бельца и пошел ему навстречу: процесс его хабилитации был ускорен, и уже в марте 1876 г. он защитился, по-

лучил степень приват-доцента и двухгодичный отпуск для работы в клинике в Токио (*Ibid.*: 151).

Медицинская школа Токио (позже преобразованная в Медицинский факультет Университета Токио), куда отправился Бельц, была открыта в 1871 г., когда в Японию прибыли первые приглашенные из Германии врачи: хирург и военный медик Л. Мюллер и выбранный им в качестве ассистента Т.Э. Хоффманн, служивший ранее на флоте, – и изначально была полностью отдана в их распоряжение. В 1874 г. их сменили военный врач Э. Шульце и терапевт и гинеколог А. Верних. Так, начиная с 70-х годов XIX в. в Японию стали регулярно приезжать медики из Германии, которые зачастую начинали интересоваться антропологическим составом населения, этнической историей и/или этнографией Японии. Многим из них мы обязаны источниками по физической антропологии и этнографии Японии (в числе известных авторов, например, Ф. Дёниц и Г. Шойбе). Бельц, однако, выделяется из этого ряда ученых тем, что проработал в Японии до 1905 г., до самого выхода на пенсию, и все это время вел исследовательскую деятельность, в том числе и в области этнологии.

Вряд ли в 1876 г. Бельц предполагал, что его пребывание в Японии настолько затянется, ведь в Лейпцигском университете он взял отпуск, а, значит, явно планировал вернуться. Однако уже в 1877 г. он не только согласился на досрочное продление контракта, но и попросил четырехлетний контракт, обосновав это тем, что в условиях краткосрочного договора не остается времени должным образом проводить научную работу (при этом отпуск в Лейпциге ему тоже продлили).

Надо отметить, что не только научные интересы удержали Бельца в Японии на десятилетия: с 1884 г. он остался одним из двух немцев-заведующих кафедрами (вторым был хирург Ю.К. Скриба, большинство же его соотечественников уехало, поскольку на все руководящие посты стали назначать только японцев), а с 1886 г. стал личным врачом кронпринца, будущего императора Ёсихито (с 1890 г. – императорским лейб-медиком), продолжая работать в университете. Эта должность обеспечивала ему относительно прочное положение, не зависевшее от изменений внешнеполитических условий, жертвами которых порой становились работавшие в Японии иностранцы. Подобной карьеры в Германии Бельц сделать уже не смог бы, в чем он убедился, посетив родину во время своего академического отпуска в 1884–1885 гг.: его вернувшиеся из Японии коллеги с трудом вливались в университетскую жизнь страны. Одновременно у Бельца появилось желание стать ученым, а не практиком – антропологом и этнологом, пусть и без денег и положения. Это означало, что ему необходимо было проработать в Японии до достижения финансовой независимости, ведь труд европейских специалистов там щедро оплачивался. Таким образом, карьерный успех и сопутствующие высокое социальное положение и финансовое благополучие явно сыграли свою роль. Однако он никогда не допускал мысли остаться в Японии навсегда, и в свои визиты на родину (в 1892–1893 и 1900–1901 гг.) частично перевозил собираемую им коллекцию японских и айских этнографических предметов и произведений искусства.

В 1902–1903 гг. Бельц совершил путешествие по Восточной Азии в научных целях: задачей экспедиции было проведение антропометрического исследования населения Кореи.

Окончательный отъезд из Японии в Германию состоялся летом 1905 г. До самой смерти в 1913 г. Бельц стремился как можно больше времени и сил посвящать науке: готовил доклады для различных научных обществ и конференций, работал с этнографическими музеями, передавая им для экспозиции части своей японской коллекции, путешествовал.

С одной стороны, условия для этнологических изысканий, которые были у

Бельца, можно назвать идеальными: он много лет прожил и проработал с японцами, дважды был женат на японках (от второго брака у него было двое детей). Таким образом, ученый имел возможность не только проводить физические исследования в университетской клинике, но и наблюдать за разными сторонами японской жизни, тем более что под конец пребывания в Японии круг его общения практически полностью состоял из японцев. Но, с другой стороны, работа в удалении от Европы не позволяла ему полноценно участвовать в научном дискурсе. Бельц стремился держаться на острие науки: в 1876 г. он вступил в Немецкое восточноазиатское естественнонаучное и этнографическое общество (далее – Восточноазиатское общество), образованное за три года до этого немецкими учеными, дипломатами и торговцами в Токио, и стал его библиотекарем, получив таким образом доступ к новейшим трудам других научных обществ и к процессу публикации работ разных авторов; по пути в Германию в 1884 г. он проехал через США, где ознакомился с новейшими веяниями в медицине, посещая госпитали, университеты и медучилища. Приезжая в Германию, он старался налаживать контакты в университетах и принимал участие в конгрессах и конференциях. Однако дистанция все равно сказывалась – как на работе самого Бельца, так и на восприятии его наследия в европейской науке.

Вклад Бельца в антропологическое и этнологическое исследование Японии.

Вторая половина XIX в. в европейской науке – время бурного развития физической антропологии, в рамках которой учеными предпринимались многочисленные попытки описать и классифицировать разнообразие человеческого рода методами естественных наук. Первые подходы к этой проблеме в отношении японцев уже предпринимались, однако они не отличались ни последовательностью, ни богатством исходных данных. Таким образом, первая антропологическая проблема, которая естественным образом привлекла внимание Бельца, была связана с описанием и объяснением антропологического состава населения Японии.

В 1883 и 1885 гг. в “Известиях Восточноазиатского общества” было опубликовано обширное исследование в двух частях под названием “Физические характеристики японцев” (*Baelz* 1883, 1885). Оно открывается обзором литературы, в которой встречались описания физических характеристик японцев начиная с литературы путешественников (например, книги британской писательницы Изабеллы Бёрд) и заканчивая строго научными публикациями, в том числе и написанными его коллегами, врачами А. Вернихом и О.Г. Монике. Подчеркивая до абсурда противоречивые суждения о физическом строении японцев, Бельц констатирует, что, в сущности, европейской науке о нем ничего не известно, и представляет результаты собственного антропометрического исследования, которое было основано на измерениях физических показателей более чем 2500 человек. Около 1200 измерений было проведено самим Бельцем, остальные же данные ему предоставили коллеги-врачи – их результаты в числовом выражении представлены во второй части работы (*Baelz* 1885).

Несомненно, Бельц был знаком с антропометрическими схемами ведущих ученых в этой области, таких как П. Брока и Р. Вирхов, и, основываясь на них, создал собственную схему измерений, насчитывающую 79 различных показателей. Надо отметить, что, несмотря на детальность и основательность исследования Бельца, в дальнейшем его данные не привлекались другими учеными. Японский антрополог Судзуки Хисаси объясняет это тем, что в 1882 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся XIII Всеобщий конгресс Немецкого антропологического общества, на котором были унифицированы методы антропометрических исследований (опубликованы эти стандарты были в 1883 г.). Так, Р. Вирхов, Ю. Кольман и Й. Ранке представили новую краниометрическую схему, и, хотя многие ее позиции совпадали со схемой П. Брока, номенклатура

подверглась значительным изменениям (*Singh, Bhasin* 1968: 2). Таким образом, материал Бельца, собранный по другой методике, сильно отличавшейся от принятой в 1882 г., было невозможно напрямую сопоставлять с результатами более поздних исследований (*Судзуки* 1974: 5–6).

В первой части этого исследования (*Baelz* 1883) Бельц впервые изложил свое видение классификации населения Японии по антропологическим типам. Он говорит о трех “этнографических элементах” – айном, монгольском² и малайском, – отмечая, что если айнов исследователи единогласно выделяют в отдельную группу, то по поводу наличия и соотношения монгольского и малайского элемента в населении Японии ведутся споры: от признания японцев почти чистыми монголами (Ф. Дёниц) до утверждений, что японцы – результат метисации малайцев и айнов, без монгольской примеси вообще (А. Верних).

Бельц был убежден в наличии обоих элементов. Он подчеркивает бросающиеся в глаза различия между двумя антропологическими типами, которые легко выделить: долихоцефальным (длинное лицо, тонкий, выступающий нос, маленький рот и проч.) и брахицефальным (широкое лицо, выдающиеся скулы, плоский нос и большой рот). При этом он отмечает, что первый преобладает среди японской знати, а второй чаще встречается “в народе”. Первый тип, как пишет Бельц, не соответствует европейским представлениям о монгольском, однако должен рассматриваться как таковой, поскольку совпадает с обликом, присущим представлениям высших классов в Китае; кроме того, он никогда не встречается у малайцев. Второй же тип, распространенный в основном среди простолюдинов, но также встречающийся и “в очень знатных семьях”, напоминает малайский; по крайней мере, он явно имеет отдельное происхождение (*Ibid.*: 337–338).

Несмотря на то, что второй тип преобладает количественно, Бельц не отказывается от идеи монголоидности японцев, подчеркивая, что не видит оснований для строгого противопоставления монгольского и малайского типов: население Китая, пишет он, также весьма неоднородно, а в Юго-Восточной Азии невозможно провести “этнографическую границу” между монгольским и малайским населением (*Ibid.*: 339). Выделяя эту мысль, он пишет о “монголоидном племени, схожем с высшими классами Китая и Кореи”, и “монголоидном племени, отчетливо похожем на малайцев” (*Ibid.*: 346). Подобную классификацию Бельц предлагает, несколько изменив терминологию, и в позднейших публикациях.

На рубеже веков его академические интересы все больше смещались в сферу этнологии; он расширял географию постановки вопросов на всю Восточную Азию и одновременно погружался в изучение древнейшей и древней истории Японии (*Germann* 2014: 309). В докладе “Жители Восточной Азии”, представленном в декабре 1900 г. в Вюттемберге и вышедшем позднее отдельной публикацией (*Baelz* 1901b), Бельц приводит свои соображения по поводу общей расовой классификации. Он работает со следующими понятиями: кавказская (или средиземноморская, или белая) раса, монгольская (или центральная- и восточноазиатская) раса и черная раса (*Ibid.*: 9). Здесь, как и в статье “О человеческих расах Восточной Азии, с особым вниманием к Японии” (*Baelz* 1901a), он уже с большей уверенностью, чем раньше, и со ссылкой на авторитет А.Р. Уоллеса, британского натуралиста и антрополога, исследователя Малайского архипелага, утверждает, что невозможно обнаружить принципиальные различия между малайцами и монголами: малайцы и жители Индокитая входят в монгольскую расу в широком смысле. Таким образом, в населении всех трех стран Восточной Азии (Китая, Кореи и Японии) обнаруживаются одни и те же элементы, но в разных пропорциях: собственно монголы (т.е. монголоиды) составляют большинство населения в центральном и южном Китае; чем южнее, тем сильнее проявляются малайские черты (малайско-монгольский тип); на севере Китая и в центральной и северной

Корею распространен маньчжуро-корейский тип, обладающий более близкими к европеоидным чертами (*Baelz* 1901a: 172; 1901b: 20). В статье 1907 г. Бельц, ссылаясь на собственную работу 1885 г., снова кратко воспроизводит свою классификацию: “Я... выделил в Японии три существенных элемента: во-первых, северо-монгольский или собственно монгольский, во-вторых, южномонгольский или малайский тип, в-третьих,... айнский тип” (*Baelz* 1907: 281).

Складывается впечатление, что (пусть сам Бельц никак это не отмечает) его представление о том, что же является “собственно монгольским” типом, несколько менялись в течение времени. Несмотря на то, что он нигде в своих работах 1901 г. не дает четкого определения термину “собственно монголы”, создается ощущение, что он не склонен проводить различие между этим и монголо-малайским типом. Так, в “Человеческих расах Восточной Азии...” в параграфе, озаглавленном “Монголо-малайцы” и посвященном описанию признаков этого антропологического типа, употребляется исключительно слово “монголы”. Более того, в параграфе о маньчжуро-корейском типе, сочетающемся “черты тюркских народов, являющиеся более или менее кавказскими (европеоидными. – Н.Л.), с отдельными особенностями монголов”, есть пассаж о монгольском пятне³, которое обнаруживается у всех новорожденных этого типа, “что доказывает, что они действительно каким-то образом генетически родственны монголам” (*Baelz* 1901: 183–184). Таким образом, в 1901 г. Бельцу казалось, что утверждение о принадлежности этого типа к монголоидной расе может потребовать дополнительных доказательств. Сложно предположить, что, кроме маньчжуро-корейского, мог иметь в виду Бельц под “северомонгольским типом” в “Древней и древнейшей истории Японии” в 1907 г., однако тут он уже становится “собственно монгольским”, в противопоставление “южномонгольскому” или “малайскому”. Вероятно, в 1901 г. ученый исходил из того, что к монголо-малайскому типу относилось подавляющее большинство населения и в Японии, и в Китае, однако позже решил вернуться к своей прежней точке зрения, которую высказал еще в 1883 г., о том, что фенотип, присущий китайской (и японской) аристократии, должен считаться монгольским. Возможно, к этому его подтолкнула также и поездка в Корею 1903 г., в ходе которой Бельц проводил антропометрические исследования, поскольку на полуострове преобладал в основном “северомонгольский тип”.

В работах 1907 и 1911 гг. Бельц полнее раскрывает свое видение вопроса о первом населении Японских островов. Хотя в “Праистории Японии” он признается, что готов с меньшей уверенностью, чем Коганэи Ёсикиё и Д. Батчелор, утверждать, что найденные археологами неолитические орудия (эпоха Дзёмон) были изготовлены айнами, аргументы Цубои Сёгоро в пользу теории о том, что первыми насельниками Японии были родственные эскимосам люди, тоже не казались ему безупречными (*Baelz* 1907: 286–287). И в следующей работе Бельц пишет: “Изначально вся страна была в руках айнов” (*Baelz* 1911: 190). Он отмечает сходство некоторых традиций айнов и рюкюсцев (например, женские татуировки), а также сообщает об обнаружении на юге Японии и Рюкю антропологических характеристик, свойственных айнам: развитость волосяного покрова и “кавказоидные черты”. Мнение о физическом типе рюкюсцев основано на антропологическом исследовании рекрутов с южных островов в 1899 г., которое он провел с помощью своих бывших учеников, к тому времени работавших военными врачами. Таким образом, он предполагает, что изначально айнское население было потеснено монголоидными пришельцами с материка, причем в основном айны отходили на север, но на юге остались их потомки, которые смешивались с завоевателями. К айнскому же населению он относил и племена кумасо и хаято – народы, населявшие в древности центр и юг о. Кюсю и ассимилирован-

ные впоследствии японцами. Физическое сходство айнов с австралийцами Бельц объяснял тем, что “очевидно, айны и австралийцы, так же как и большая часть кавказской расы, произошли от некой неандерталоидной формы” (Ibid.: 189–190).

Представления о расовом составе населения Японии неразрывно связаны с теориями о путях заселения островов. Главные положения собственной теории Бельц разработал уже в 1883 г. Одним из главных его тезисов было утверждение, что единственным логичным маршрутом миграции был путь через Корейский полуостров – в противовес идеям А. Верника о возможном переселении малайцев с юга, вдоль гряды островов. Эта теория казалась Бельцу наиболее реалистичной не только в силу соображений, связанных с географическими факторами (близкое расстояние, аналогичный климат), но и потому, что она соответствовала его представлениям о схожести расового состава во всех странах Восточной Азии. Отмечая фенотипическое сходство населения Кореи и островов Рюкю, он делал вывод, что все островитяне прибыли с материка через Корею, исключив таким образом вариант, в котором Рюкюские острова могли служить мостом, по которому малайское население попало в Японию. Таким образом, рассматривая айнов как коренных жителей, Бельц пишет о двух волнах миграции с материка: к первой относились обладатели “благородного” облика, присущего китайской знати, а ко второй – “воинственное, похожее на малайцев племя” (*Baelz* 1883: 340–341).

Кроме того, пытаясь объяснить интригующие европейцев “семитские черты”, проявляющиеся иногда в облике японцев, Бельц высказывал свои предположения об их прародине. Исходя из утверждения о принадлежности японского языка к урало-алтайской семье, он писал, что урало-алтайские и семитские племена могли когда-то проживать в непосредственной близости друг от друга и от аккадского “культурного центра” в Месопотамии; это объясняло бы наличие схожих фенотипических черт (Ibid.: 345).

Примерно тех же воззрений Бельц продолжал придерживаться и далее, лишь отчасти расширив и конкретизировав их. Если изначально ученый очень осторожно подходил к вопросу о расовой принадлежности айнов, не решаясь утверждать, “что айны определенно каким-то образом родственны европейцам”, и выражая уверенность лишь в том, что они не являются “монголами” (Ibid.: 335–336), то со временем он стал одним из главных апологетов теории европеоидности айнов. Исходя из этого, в 1901 г. Бельц выразил мнение о том, что когда-то весь Северо-Восток Азии был заселен расой, родственной европейской; позже монгольские и тюркские народы, наступавшие на север из Тибета и окрестных областей и на юг из региона р. Сунгари, оттеснили это население, расколов его массив на две части. Восточная часть была оттеснена к морю и на Японские острова, а западная ушла в сторону Европы во время Великого переселения народов – к ней Бельц относил гуннов. Таким образом, первая волна заселения островов представляла собой миграцию остатков этой “родственной кавказской” расы на Восток под давлением монголоидных народов; точный их путь (морем на Сахалин, а затем на юг, или через Корею – сразу в Японию) при этом определить не представлялось возможным. Второй волной в Японию прибыли люди маньчжуро-корейского типа. Чтобы ответить на вопрос, как они оказались на юго-западе Хонсю, где преобладал этот тип, Бельц обратился к изучению морских течений и обнаружил, что существует теплое течение (Восточно-Корейское в современной номенклатуре), идущее вдоль Корейского полуострова, а затем разворачивающееся и выходящее как раз на юго-западную оконечность Хонсю. В отношении появления в Японии третьего элемента, “малайо-монголов”, Бельц изменил свою точку зрения: они прибыли в Японию не с материка, как он полагал ранее, а с помощью теплого течения Курисио, зарождающегося неподалеку от Филиппинских островов и идущего на север вдоль о. Формоза,

островов Рюкю и Японских. В качестве подтверждения этой теории Бельц отмечает, что наиболее сильная ветвь этого течения омывает восточное побережье Кюсю⁴, в том числе провинцию Хю:га – область, где, в соответствии с “Кодзиками”, сошел на землю первый японский император (*Baelz* 1901a: 173–174). Правда, в 1907 г. он упоминает обе теории (и о миграции через Корею, и о морском пути через острова) как альтернативные (*Baelz* 1907: 282–283).

Несмотря на то, что акцент в рассмотренных публикациях сделан на расовых характеристиках и расовой истории японцев, примечательно, что Бельц регулярно прибегает и к данным этнографии (зачастую самостоятельно собранным), лингвистики и истории, устанавливая связи между своими антропологическими наблюдениями и культурными явлениями и их историей. Так, во второй части исследования о “Физических характеристиках японцев” (*Baelz* 1885) Бельц не только анализирует и графически представляет все собранные антропометрические результаты, но и сопровождает свои описания этнографическими данными. Рассуждения о кожном покрове дополняются развернутым сообщением о практике татуирования (кто делает татуировки, куда они наносятся, какие узоры и цвета встречаются, какую технику используют татуировщики) и истории этого явления; Бельц приходит к выводу, что японцы, в отличие от других народов, имеющих подобную практику, относятся к татуировкам как к одежде или украшению. Например, люди, занимающиеся тяжелым физическим трудом в городах (например, рабочие, носильщики и т.д.), наносят их на свое тело вместо одежды, используя при этом в татуировках те же цвета и узоры, что и в костюме. При этом ученый отмечает, что подобное восприятие присуще только рабочему слою, никто из знакомых ему “образованных японцев” его не разделяет – люди из высших слоев общества скорее удивляются подобному взгляду на татуирование, но сами не предоставляют этому обычаю удовлетворительного объяснения. Самой распространенной трактовкой была теория о том, что татуировки были привнесены в Японию из Китая, где они якобы использовались в качестве наказания (*Baelz* 1885: 41–45). Также раздел о коже содержит параграф об эстетических предпочтениях японцев (красивой считается светлая кожа, и в этом они завидуют европейцам, а вот голубые глаза и светлые волосы им не нравятся) и практики ухода за кожей (регулярные купания, особенности национальной одежды, не прилегающей к телу) (*Ibid.*: 46–48). Описание волосяного покрова также содержит этнографический очерк о прическах взрослых и детей, процессе создания женской прически и рассуждения о ее возможном влиянии на здоровье (*Ibid.*: 51–54). Говоря о строении тела в целом, Бельц отмечает, что у японской знати в среднем слабое телосложение, и связывает это с долгим мирным периодом Эдо, когда воинское сословие не могло выполнять свои прямые функции; при этом он отмечает, что “основную массу народа... можно назвать крепкими” (*Ibid.*: 56). В этом разделе также есть параграф об эстетическом восприятии тела, походки и манеры себя держать с рассуждениями о его относительности и изменчивости. Таким образом, статья 1885 г., на первый взгляд посвященная антропометрии и расоведению, содержит большое количество этнографических данных и этнологических рассуждений. Стоит отметить, что, когда Бельц обнаруживал связь между биологическим и культурным, он имел в виду не влияние биологического на культуру, а, напротив, отмечал некие физиологические явления, которые могли быть следствием влияния среды, в том числе и культурных традиций.

Нельзя не отметить две работы Бельца, посвященные “духу” японцев, которые можно назвать чисто этнологическими. В 1903 г. вышла статья “О психологии японцев” (*Baelz* 1903), которая, судя по полемическому тону, была порождена возмущением Бельца публикацией голландского антрополога Г. тен Кате, в которой тот нелестно высказался о духовных качествах японского народа. Ключевым понятием этой статьи является “народная душа” (*Volkseele*), которое Бельц заим-

ствовал, вероятно, у Адольфа Бастиана (*Baelz* 1901a: 167–168) и которое говорит о влиянии немецкой философско-антропологической традиции, восходящей к И.Г. Гердеру и другим немецким мыслителям эпохи Просвещения. Пылкие рассуждения Бельца о присущих и не присущих японскому народу чертах характера также оказываются вполне в духе времени. Но лейтмотивом статьи становится живописание культурного слома, который испытывала Япония в пореформенный период, и поколенческому ценностному и мировоззренческому разрыву, к которому привел этот слом. Тут проявляется несколько противоречивое понимание “народной души”. С одной стороны, “народная душа” представляет собой некую устойчивую, целостную сущность, которая имеет характерные черты, отражающиеся в представителях народа:

...нельзя рассматривать современного японца как истинного представителя японской фольксгееле (курсив мой. – Н.Л.);

Тот, кто хочет изучить основу японской психологии, должен сосредоточиться на людях старших поколений или отдаленной глубинки... а также, как и любой исследователь народной души, изучать язык, историю, развитие социальных и политических взглядов, а в первую очередь – верования и суеверия, мифы, легенды и народные сказания и пословицы. Поскольку именно в этой области народная душа обычно отражается четче, чем где-либо (*Baelz* 1903: 314–315).

При этом Бельц отмечает, что собрания фольклора недостаточно для суждений о “народной душе” – необходимо выяснить, как традиционные сказания влияют на живущих ныне людей, что представляет собой трудность, тем более что японцы не любят раскрываться перед чужаками. Примечательно, что дальше Бельц дает весьма подробные советы по полевой этнографической работе в Японии, которые сами представляют собой этнографические зарисовки.

С другой стороны, Бельц пишет о пластичности “народной души” и ее зависимости от внешних влияний:

Японская народная душа представляла собой раньше твердую, замкнутую сущность вследствие полной изоляции от внешнего мира и строгой социальной и морально-политической системы, регулировавшей всю жизнь [японца] в мельчайших деталях...;

Сегодня через весь японский мир проходит глубокий раскол, который разделяет старшее, угасающее поколение от молодого, рвущегося вперед;

Как в конце концов оформится японская народная душа под новыми переменчивыми влияниями, никто не может судить. Мы наблюдаем эту душу в процессе преобразования... (Ibid.: 314–315).

Описывая “раскол японского мира”, Бельц демонстрирует смену ценностных установок, происходящую в японском обществе, анализирует истоки этих установок и сопровождает свои рассуждения этнографическими примерами.

В 1904 г. увидела свет статья “О воинственном духе и презрении японцев к смерти” (*Baelz* 1904). Упомянутые в заголовке качества Бельц ранее называл особенностями, отличающими японцев от других представителей монголоидной расы, важными чертами японской “народной души” (*Baelz* 1903: 318). Статья представляет собой эссе об отношении к смерти и жизни, понятиях чести и долга, бытующих в японской культуре, насыщена историческим и этнографическим материалом, а также содержит анализ буддийской философии. Значительная часть личных наблюдений, которые приводит Бельц, относится к идущей Русско-японской войне.

Анализ трудов Бельца показывает, что он старался следовать бастиановской программе этнологии. Он неоднократно утверждал, что исследовать расы человека лишь по скелету недостаточно, необходимо учитывать все признаки, прояв-

ляющиеся у живых людей. При этом изучение тела должно проходить строго с учетом среды обитания и стиля жизни человека, поскольку условия жизни, писал он, отражаются на внешнем облике людей всего за несколько поколений. Если возможно, исследователь должен учитывать и физическую, и социальную, и культурную деятельность человека, чтобы сделать шаг “от соматики (Somatik. – *Н.Л.*) в область этники (Ethnik. – *Н.Л.*), и только объединение их обеих составляет истинную антропологию (Anthropik. – *Н.Л.*). Высочайшей целью этой науки должна быть сравнительная антропика и психология; однако это прекрасный идеал, от которого мы еще далеко отстоим, хотя путь к нему ясно указан в работах Бастиана о народной душе и народных идеях” (*Baelz 1901a: 167–168*). Так, во многих его работах видны попытки этого перехода “от соматики к этнике” и выражается согласие с идеями Бастиана о роли среды в формировании расовых и культурных различий и, следовательно, о необходимости компаративистских исследований.

Восприятие идей Бельца в этнологии. Самая яркая и запоминающаяся из идей Бельца – впоследствии полностью опровергнутая теория о европеоидности айнов. Именно эта гипотеза ассоциировалась с его именем как у современников, так и у более поздних исследователей. Так, советский антрополог М.Г. Левин отмечал, что гипотеза Бельца о происхождении айнов от древнего европеоидного населения Восточной Азии, которое составило основу и современных европейских рас, получила развитие у Ж. Монтандона и Э. фон Эйкштедта (*Левин 1958: 288*). Действительно, немецкий расовед Э. фон Эйкштедт ссылается на него в первую очередь в этой связи, соглашаясь и с тем, что когда-то весь север Сибири был заселен “европидными элементами” (*von Eickstedt 1944: 483*); но, кроме того, он выстраивает свои рассуждения об антропологическом составе населения Японии, отталкиваясь от теории Бельца о его трехсоставности, которую, впрочем, в итоге отвергает (*Ibid.: 492–494*), и заимствует идею о возможной роли течения Куроисио в процессе заселения островов (*Ibid.: 490*).

Несмотря на то, что в отношении европеоидности айнов Бельц был очевидно неправ, проведенные под его руководством физические измерения японцев, айнов и рюкюсцев дали результаты, приведшие его к корректным выводам. Так, работа В.Е. Дерябина и Д.С. Давыдовой, основанная на антропометрических данных, собранных в 1946 г. под руководством М.Г. Левина, также говорит о сходстве айнов с населением Рюкю. В этом исследовании тоже выделяются региональные варианты, схожие с корейским населением, и антропологические типы, сближающиеся с населением Вьетнама и Южного Китая. Таким образом, результаты антропологических изысканий Бельца в конце XIX в., позволившие ему говорить о двух “расовых элементах” – маньчжуро-корейском и малайо(южно)-монгольском в составе японцев, – а также о родстве айнов и рюкюсцев, в целом подтвердились на аналогичных материалах советских ученых XX в. и при анализе этих материалов современными методами в начале XXI в. (*Дерябин, Давыдова 2010: 120–121*). Кроме того, краниологические исследования сближают в некотором роде айнов и рюкюсцев: обнаруживается явная преемственность между неолитическим (культура Дзёмон) населением Японии и айнами, а также сходство рюкюсцев по отдельным параметрам то ли с дзёмонцами, то ли с айнами – интерпретация этого сходства зависит от исследовательского подхода (*Козинцев 2017: 87, 97*). Современные объяснения подобных наблюдений отличаются от трактовок Бельца, однако совпадения в промежуточных результатах говорят о состоятельности его методологии.

Возвращаясь к проблеме рецепции идей Бельца, необходимо отметить, что отечественным исследователям его работы были знакомы. Так, его неоднократно упоминал М.Г. Левин (*Левин 1958: 288; 1971: 195–196*). С.А. Арутюнов также пользовался его данными, говоря об айнской принадлежности керамики эпохи

Дзёмон (Арутюнов 1960: 60) и о том, что сходство татуировок рюкюских и айнских женщин нельзя считать случайным (Арутюнов 1957: 13). А.Б. Спесивовский писал, что Э. Бельц и Э. фон Эйкштедт пошли “дальше всех в своих умозрительных заключениях” о родстве айнов с европейцами (Спесивовский 2017: 11), а процитированный выше А.Г. Козинцев упоминал Бельца и в связи с идеей о родстве айнов с рюкюсцами (Козинцев 2017: 97). Можно, пожалуй, утверждать, что во второй половине XX в. Бельц был более интересен советским японистам, чем собственно немецкоязычным; немецкие исследования Японии в этот период уходят больше в область гуманитарных и социальных дисциплин.

Из японских авторов Бельц оказал влияние как лично, так и своими работами на Коганэи Ёсикиё, одного из виднейших исследователей этнической истории и расового состава японцев начала XX в. Судзуки отмечает, что Коганэи в целом принял теорию Бельца о расовом составе населения Японии, хотя и несколько изменил терминологию. Если оставить за скобками разницу в методах исследования, пишет Судзуки, объяснение смешанного типа японцев у Коганэи строилось так же, как и у Бельца; кроме того, его концепция оказала большое влияние на последующие научные изыскания, проводимые такими учеными, как, например, Киёно Кэндзи (Судзуки 1974: 6–7), – антрополог и этнолог, автор теории метисации в споре об этногенезе японцев (Suzuki 1981: 11).

Сегодня некоторые пассажи Бельца могут показаться в этическом смысле сомнительными. В частности, он даже в научных выступлениях и публикациях прибегал порой к приемам, которые сегодня мы назвали бы риторическими или даже популистскими: чего только стоит утверждение, что пожилой Лев Толстой “на своей последней, широко разошедшейся фотографии может считаться айнским типом” (Baelz 1901b: 19). Бельц вообще подчеркивал схожесть айнов именно с русскими, которые в его схеме также подверглись в прошлом метисации с монголоидами. Правда, ко времени этой публикации идея о том, что айны похожи на русских (особенно русских крестьян), бытовала в европейской науке уже как минимум десятилетие: например, ее высказывал еще в начале 1890-х годов британский исследователь Д. МакРитчи (Трынкина 2021: 160, 168).

Также в одной из статей Бельц подкрепил анекдотом с Чикагской выставки свои рассуждения о том, что если неолитическим населением Японии были все-таки древние эскимосы, как утверждал Цубои, то тогда они несомненно находятся в родстве с современными японцами: на выставке он, осматривая “эскимосскую деревню”, встретил японцев, с ужасом убежавших прочь, осознав свое сходство с “живыми экспонатами”, которые еще и радостно кричали им что-то вслед (Baelz 1907: 287).

Еще более сомнительным кажется утверждение о том, что один физический тип японцев (маньчжуро-монгольский) соотносится с правящим сословием, а другой (южномонгольский) – с простонародьем. Приводя в качестве доказательства в частности этот пассаж, корейская исследовательница Ким Хой Юн практически обвиняет его в расизме и высказывает подозрения, что своими “расовыми” соображениями о корейцах Бельц мог подкреплять оккупационные претензии японского правительства в отношении Кореи – в том числе через свою дружбу с премьер-министром Ито Хиробуми (Kim Hoi-Eun 2013: 180–181). Однако стоит заметить, что в публикациях Бельц никогда не основывал свои выводы исключительно на анекдотах, а подводил под них аргументы, соответствующие научному уровню и стилю своего времени. Что же касается преобладания определенного физического типа в каком-то сословии, то оно им объяснялось очередностью миграций населения того и другого типа на Японские острова, а не биологическим превосходством одного из них; кроме того, всегда оговаривалось, что из этой закономерности есть исключения – это преобладание никогда не подавалось как

абсолютное. Наиболее близким расизму его научным высказыванием является, пожалуй, сравнение “сацумцы – спартанцы Японии”: развивая мысль о европеоидных следах на юге Японии, он выделяет провинцию Сацума как местность, в которой часто встречаются соответствующие черты (и где ранее проживали хаято, которых он относил к той же группе). Далее он описывает роль сацумской знати в свержении сёгуната в 1866 г. и указывает на преобладание выходцев из Сацума в командном составе японских армии и флота и, подводя итоги, пишет, что “японская провинция, в которой обнаруживается большинство кавказоидных типов, всегда занимала особое положение”, однако тут же оговаривается: “...не я не хочу сказать, что это связано с особой кровью, я только констатирую факт” (*Baelz* 1911: 190). Учитывая, что поиск взаимосвязей между физическими (в том числе расовыми) и интеллектуальными, психическими и даже моральными характеристиками был вполне в духе времени в целом и бастиановской традиции в частности, неудивительно, что подобные аналогии приходили Бельцу на ум; однако примечательно, что, во-первых, сам он отрешивался от далекоидущих выводов и, во-вторых, зачастую пытался объяснять физиологические явления особенностями культуры, а не наоборот.

Заслуживает упоминания отдельная значимая часть научного наследия Бельца – его обширные этнографические и художественные коллекции. В 1892 г. ученый удостоился звания члена совета королевства Вюртемберг за передачу в штутгартский Музей промышленности и прикладного искусства коллекции в 3300 предметов. За этим первым пожертвованием последовали и другие (передача 4000 живописных и графических работ японских художников в 1893 г.) (*Germann* 2014: 291). Сегодня основная часть собраний Бельца хранится в Музее имени Линдена в Штутгарте, где составляет большую часть японской коллекции (почти 6000 предметов) (*Brandt* 2005: 694). Кроме того, в Этнологическом музее в Берлине хранятся привезенные Бельцем айнские предметы и дзёмонская керамика из материалов раскопок в Токио в 1888 г. (*Ibid.*: 578). Штутгартские коллекции были не раз описаны и изданы в виде каталогов, берлинские еще до конца не изучены. Современное положение собраний описано в коллективной монографии, посвященной японским коллекциям в Европе (*Kreiner* 2005), а о собирательской и меценатской деятельности Бельца писала С. Германн (*Germann* 2014: 291–295, 322, 326–328, 340, 349, 389–390).

* * *

Принадлежность исследовательского подхода Бельца к немецкой этнологической традиции второй половины XIX в. очевидна: профессия врача не только обуславливала особый интерес ученого к физической антропологии, но и давала ему тот же инструментарий и оптику, с которых начинали и крупнейшие звезды немецкой этнологии, А. Бастиан и Р. Вирхов, также медики по образованию; обилие немецких специалистов, особенно в первые годы жизни Бельца в Японии, позволило им создать собственную среду, поддерживающую немецкие академические традиции; личный интерес к науке и желание оставить в ней свой след побуждали к непрерывной исследовательской деятельности и поддерживали стремление быть в курсе последних веяний в европейской и американской науке. Тем не менее объективные факторы отрывали Бельца от этой традиции: осознание, что вернуться в университетскую среду Германии после многолетней работы в Японии практически невозможно, заставило его оставаться на Востоке до конца собственной карьеры, а географическая дистанция привела к тому, что работы Бельца, изданные в Японии, оставались неизвестны на Западе или доходили туда слишком поздно. Бельц в 1901 г. с горечью пишет: “Г-н Боас недавно

выдвинул требование, что при изучении человеческих рас следует отныне делать графические зарисовки головных объемов живых людей, – и комментирует: – он, вероятно, не знал, что я делал их уже 20 лет назад и публиковал, и с тех пор непрерывно продолжал этим заниматься” (*Baelz* 1901: 170).

Вероятно, верно и обратное: держаться на острие науки, не будучи активно включенным в западную академическую среду, было нелегко; какие-то вещи, по поводу которых в Европе складывался хотя бы относительный консенсус, ему приходилось переизобретать самостоятельно. Так, в условиях относительной изоляции Бельц выработал собственную антропометрическую методику, которой следовал в своих многочисленных исследованиях и на основании которой делал серьезные выводы.

Оценивать результаты его исследовательской деятельности с точки зрения влияния на европейскую этнологию можно двояко: с одной стороны, та методология физикоантропологических исследований, которой он так гордился, на Западе осталась малоизвестной и невостребованной, а бастиановская научная программа, которой он следовал, в немецкой этнологии в начале XX в. уступила место диффузионистской. Но, с другой стороны, некоторые его выводы пользовались значительным авторитетом среди современников и младших коллег, а его коллекции до сих пор занимают почетное место в музеях.

Благодарности

Исследование было проведено при поддержке Стипендиального фонда Австрийской Республики (*Stipendienstiftung der Republik Österreich für Undergraduates, Graduates und Postgraduates*) и Австрийского агентства международного сотрудничества в сфере образования и науки (*Österreichischer Austauschdienst-GmbH*).

Примечания

¹ Факты биографии Бельца изложены по: *Germann* 2014.

² При этом Бельц уточняет: “Термин монголы мы используем в общем смысле, в котором он охватывает всю желтую расу, а не лишь монголов в узком смысле... <...> Первое, более широкое толкование этого понятия, принято в антропологии, последнее, более узкое, – в сравнительном языкознании” (*Baelz* 1883: 337).

³ Так наз. монгольское пятно – пигментное образование, часто наблюдаемое у младенцев и детей монголоидной расы, которое Бельц описал в 1883 г. (*Baelz* 1885: 40). Он обнаружил его у японцев и не нашел у айнов, сделав из этого вывод, что монгольское пятно – четкий маркер монголоидности, каковым оно и считалось в науке некоторое время. На сегодняшний день известно, что оно может наблюдаться не только у представителей монголоидной расы, однако именно описание Бельца привлекло внимание антропологов к этому явлению.

⁴ В тексте Бельца – “западное побережье”, однако это очевидная ошибка, скорее даже описка. Во-первых, более мощный рукав течения Курисио идет именно вдоль восточного побережья Японии, а во-вторых, чего точно не мог не знать Бельц, провинция Хю:га также была расположена на востоке о. Кюсю.

Источники и материалы

Baelz 1883 – *Baelz E.v.* Die körperliche Eigenschaften der Japaner. 1. Teil // *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens*. 1883. Bd. 3 (1880–1884). Н. 28 (1883). P. 330–359.

- Baelz* 1885 – *Baelz E.v.* Die körperliche Eigenschaften der Japaner. 2. Teil // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. 1885. Bd. 4 (1884–1888). H. 32 (1885). P. 35–103.
- Baelz* 1901a – *Baelz E.v.* Maenschen-Rassen Ostasiens mit specieller Rücksicht auf Japan // Zeitschrift für Ethnologie. 1901. P. 166–190.
- Baelz* 1901b – *Baelz E.v.* Die Ostasiaten. Stuttgart: Verlag von Konrad Wittwer, 1901.
- Baelz* 1903 – *Baelz E.v.* Zur Psychologie der Japaner // Globus. 1903. Bd. LXXXIV (20). P. 313–319.
- Baelz* 1904 – *Baelz E.v.* Über den kriegerischen Geist und die Todesverachtung der Japaner. Yokohama: Verlag der Deutschen Japan-Post, 1904.
- Baelz* 1907 – *Baelz E.v.* Zur Vor- und Urgeschichte Japans // Zeitschrift für Ethnologie. 1907. H. 3. P. 281–310.
- Baelz* 1911 – *Baelz E.v.* Die Riu-Kiu-Insulaner, die Aino und andere kaukasieränliche Reste in Ostasien // Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1911. Jg. 42. № 8–12. P. 187–191.
- von *Eickstedt* 1944 – von *Eickstedt E.F.* Rassendynamik von Ostasien. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1944.

Научная литература

- Арутюнов С.А.* Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
- Арутюнов С.А.* К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 60–71.
- Дерябин В.Е., Давыдова Д.С.* Антропологические варианты в составе японцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 116–131.
- Козинцев А.Г.* Айны, японцы, их предки и соседи: результаты краниоскопических исследований в Японии // Айнская проблема (вопросы этногенеза и этнической истории айнов) / Отв. ред. А.Б. Спесивовский. СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 87–110.
- Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1958.
- Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971.
- Спесивовский А.Б.* “Айнская проблема” и айны в этнической истории дальневосточного региона (на основании новейших данных) // Айнская проблема (вопросы этногенеза и этнической истории айнов) / Отв. ред. А.Б. Спесивовский. СПб.; Владивосток: Рубеж, 2017. С. 10–48.
- Судзуки Х.* Профессор Коганэи Ёсикиё и доктор Эрвин фон Бельц (Коганэи Ёсикиё сэнсэи то Эрвин фон Бельц хакасэ) // Journal of the Anthropological Society of Nippon. 1974. Vol. 82 (1). P. 1–9. (на яп. яз.)
- Трынкина Д.А.* Викторианская эвгемеристическая концепция о феяри в британской и американской вики // Шаги/Steps. 2021. Т. 7 (2). С. 156–174. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-156-174>
- Brandt K.J.* Department of Eastern Art of the Linden-Museum in Stuttgart // Japanese Collections in European Museums. Vol. II / Ed. J. Kreiner. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt, 2005. P. 693–697.
- Germann S.* Erwin von Baelz (1849–1913). Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur, 2014.
- Kim Hoi-Eun.* Measuring Asian-ness: Erwin Baelz's Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea // Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies / Eds. V. Fuechtner, M. Rhiel. Rochester: Camden House, 2013. P. 173–185.

- Kreiner J.* (ed.) *Japanese Collections in European Museums*. 2 vols. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt, 2005.
- Singh I.P., Bhasin M.K.* *Anthropometry*. Delhi: Bharti Bhawan, 1968.
- Stocking G.W.* On the Limits of "Presentism" and "Historicism" in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Journal of History of Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1 (3). P. 211–218.
- Stocking G.W.* *Victorian Anthropology*. N.Y.: Collier Macmillan, 1987.
- Suzuki H. Racial History of the Japanese // *Rassengeschichte der Menschheit*. Vol. 8 / Hrg. I. Schwidetzky. München: R. Oldenburgverlag, 1981. P. 7–78.

Research Article

Liubimova, N.S. German Ethnological Tradition in Studies of Japan: Erwin von Baelz as Anthropologist and Ethnologist [Nemetskaia etnologicheskaia traditsiia v izuchenii Yaponii: Ervin fon Bel'ts kak antropolog i etnolog]. *Этнографическое обозрение*, 2022, no. 4, pp. 128–143. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040078>
EDN: HXUCTI ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nataliia Liubimova | <https://orcid.org/0000-0002-1364-0280> | lyubimova@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Erwin Baelz, history of science, German ethnology, Japanese studies, origins of the Japanese

Abstract

This article offers a closer look at Erwin von Baelz's academic work in the field of anthropology and ethnology. A biographical sketch demonstrates factors that influenced his research and its reception in the academic world. The analysis of anthropological and ethnological works of Baelz outlines his most important findings and conclusions as well as his theoretical views. Baelz's works were very mainstream for their time in terms of the subject of study, methodology, and theoretical background. However, it is also a case of isolation, since the geographical distance between Japan and Europe prevented him from fully participating in European academic discourse. The effects of such isolation present themselves in the reception of his work: he was mostly mentioned by the scholars who shared his opinion on the European origins of the Ainu as his academic standing was enough to legitimize this theory as proven, while other ideas and observations of his remained mostly unnoticed.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075-15-2022-328]

References

- Arutyunov, S.A. 1957. Ob ainskikh komponentakh v formirovanii yaponskoi narodnosti i ee kul'tury [On Ainu Components in Formation of the Japanese and Their Culture]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 3–14.
- Arutyunov, S.A. 1960. K otsenke roli migratsii v drevnei istorii Yaponii [The Role of Migrations in Ancient History of Japan]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 60–71.

- Brandt, K.J. 2005. Department of Eastern Art of the Linden-Museum in Stuttgart. In *Japanese Collections in European Museums*, edited by J. Kreiner, II: 693–697. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt.
- Deriabin, V.E., and D.S. Davydova. 2010. Antropologicheskie varianty v sostave yapontsev [Anthropological Variants of the Japanese]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 116–131.
- Germann, S. 2014. Erwin von Baelz (1849–1913). *Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie* [Erwin von Baelz (1849–1913): From Bietigheim to Tokyo, the Biography]. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur.
- Kim Hoi-Eun. 2013. Measuring Asian-ness: Erwin Baelz's Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea. In *Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies*, edited by V. Fuechtner and M. Rhiel, 173–185. Rochester: Camden House.
- Kozintsev, A.G. 2017. Ainy, yapontsy, ikh predki i sosedi: rezul'taty kranioskopicheskikh issledovaniy v Yaponii [Ainu and Japanese, Their Ancestors and Neighbours: The Results of Cranioscopic Investigations in Japan]. In *Ainskaia problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu Problem (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)], edited by A.B. Spevakovskii, 87–110. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh.
- Kreiner, J., ed. 2005. *Japanese Collections in European Museums*. 2 vols. Bonn: Bier'sche Verlaganstalt.
- Levin, M.G. 1971. *Etnicheskaiia antropologiia Yaponii* [Ethnic Anthropology of Japan]. Moscow: Nauka.
- Levin, M.G. 1958. *Etnicheskaiia antropologiia i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic Anthropology and the Problems of Ethnogenesis of the Peoples of the Far East]. Moscow: Nauka.
- Singh, I.P., and M.K. Bhasin. 1968. *Anthropometry*. Delhi: Bharti Bhawan.
- Spevakovskii, A.B. 2017. "Ainskaia problema" i ainy v etnicheskoi istorii dal'nevostochnogo regiona (na osnovanii noveishikh dannykh) [The Ainu Problem and the Ainu in Ethnic History of the Far East Region (Based on the Newest Data)]. In *Ainskaia problema (voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii ainov)* [The Ainu Problem (Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of the Ainu)], edited by A.B. Spevakovskii, 10–48. St. Petersburg; Vladivostok: Rubezh.
- Stocking, G.W. 1965. On the Limits of "Presentism" and "Historicism" in the Historiography of the Behavioral Sciences. *Journal of History of Behavioral Sciences* 1 (3): 211–218.
- Stocking, G.W. 1987. *Victorian Anthropology*. New York: Collier Macmillan.
- Suzuki, H. 1974. Koganei Yoshikiyo sensei to Erwin von Baelz hakase [Koganei Yoshikiyo (1858–1944) and Erwin von Baelz (1858–1913)]. *Journal of the Anthropological Society of Nippon* 82 (1): 1–9. (In Jap.)
- Suzuki, H. 1981. Racial History of the Japanese. In *Rassengeschichte der Menschheit* [Racial History of Mankind], edited by I. Schwidetzky, 8: 7–78. München: R. Oldenburgverlag.
- Trynkina, D.A. 2021. Viktorianskaia evgemeristicheskaiia kontseptsiiia o feiri v britanskoi i amerikanskoi vikke [Victorian "Fairy Euhemerism" in British and American Wicca]. *Shagi/Steps* 7 (2): 156–174. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-156-174>